

Борьба с должностными преступлениями в Гомельской губернии 1919–1926 гг.

С.А. ЕЛИЗАРОВ

Анализируется опыт борьбы с должностными преступлениями в Гомельской губернии с 1919 по 1926 г., которая в первое десятилетие советской власти носила типично «кампанейский» и классовый характер. Наибольшее распространение в губернии получили хищения, взяточничество, спекуляция, посредничество, дискредитация власти. Руководством губернии должностные преступления рассматривались не как явление системное, присущее любому государству, а как временное, связанное с начальным этапом строительства нового общества. Использовались различные меры наказания – от воспитательных до расстрела.

Ключевые слова: Гомельская губерния, должностные преступления, хищения, взяточничество, дискредитация власти.

The experience of fight against malfeasances in the Gomel province 1919-1926 is analysed. In the first decade of Soviet power, the struggle was typically «campanian» and class character. The most widespread in the province were thefts, bribery, speculation, mediation, discrediting power. The leadership of the province considered official crimes not as a systematic phenomenon inherent in any state, but as a temporary one, connected with the initial stage of the construction of a new society. Various measures of punishment were used – from educational to execution.

Keywords: Gomel province, malfeasances, thefts, bribery, discredit of power.

Введение. Советский государственный аппарат унаследовал многие далеко не лучшие черты стиля работы, характерные для царской бюрократии. Высшее руководство Советской России пыталось бороться с этими, как им казалось, «пережитками прошлого», полагая, что энтузиазм и революционное творчество народных масс, вовлеченных в процесс управления, позволит быстро их изжить. Одной из проблем старой системы управления, перешедшей в советский аппарат, стало широкое распространение среди госслужащих преступлений по должности.

В первые годы советской власти принималось множество нормативных правовых актов по борьбе с должностными преступлениями. Среди основных следует отметить Декреты СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. и 16 августа 1921 г. «О взяточничестве», Декрет ВЦИК от 18 марта 1920 г. «О революционных трибуналах», Декрет СНК РСФСР от 21 октября 1919 г. «О борьбе со спекуляцией, хищениями, подлогами и другими злоупотреблениями по должности» [1]. Хотя до 1922 г. состав должностных преступлений четко не был обозначен, однако анализ указанных правовых документов свидетельствует, что к ним прежде всего относились хищения, подлог, спекуляция, взяточничество и дискредитация власти. Статьи 105–118 первого Уголовного Кодекса РСФСР, 1922 г. уже содержали расширенный перечень должностных преступлений: злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти, небрежное отношение к службе, дискредитация власти, присвоение средств либо других ценностей, получение взятки, провокация взятки, служебный подлог и др. [2].

В современной российской историографии проблемы борьбы с должностными преступлениями в первое десятилетие советской власти рассматриваются прежде всего в масштабах РСФСР и СССР [3]. Вместе с тем явно недостаточно внимания уделяется региональному аспекту: острота проблемы должностных преступлений на местах, организация работы местных органов власти и управления, методы, средства и эффективность борьбы с этим явлением на местах. В частности, история борьбы с должностными преступлениями в Гомельской губернии (с момента своего образования в мае 1919 г. и до расформирования в 1926 г. входившей в состав РСФСР) ни в российской, ни в белорусской историографии своего отражения вообще не получила. Учитывая это, автором предпринята попытка восполнить этот историографический пробел. Работа подготовлена главным образом на материалах гомельских архивов, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот.

Основная часть. Изначальная надежда советской власти на сознательность новых госслужащих из «трудового народа» не оправдалась. Масштаб и размах должностных преступ-

лений не сокращались и в центре, и на местах. По оценке гомельской губернской ЧК (губЧК) в 1920 г. «преступления по должности, а с ними всякие злоупотребления, хищения и спекуляции доходили до колоссальных размеров». Только в июне 1920 г. гомельскими чекистами было заведено 46 таких дел [4, л. 15].

Основная часть преступлений по должности была связана с взяточничеством, хищениями и спекуляцией. Широкое распространение должностные преступления получили при проведении продразверстки, где использовались различные преступные схемы. Так, в Клинцовском уезде заведующим картофельным складом уездного продкомитета Л.В. Письманом была создана фиктивная «заготовительная контора», которая выдавала поддельные квитанции о сдаче крестьянами продналога, а сам продналог свозился крестьянами в частные «ссыпные пункты» сообщников Л.В. Письмана из числа горожан г. Клинцы. Следствием были установлены 224 поддельные квитанции на 5423 пуда разных продуктов в переводе на рожь, причем эта цифра считалась лишь минимально доказанной. По данному делу было передано суду 142 человека [5, л. 71–77].

Среди руководителей губернского масштаба в первые годы советской власти наиболее распространенным видом должностных преступлений было пьянство и использование государственных средств в личных целях. Наиболее «громким» в мае 1920 г. стало «дело Кундо» (М.И. Кундо – губернский военный комиссар, комендант гомельского укрепрайона и председатель губернской топливной комиссии). В вину ему вменялось использование служебного положения в личных целях: организация проверочной поездки по линии топливной комиссии на пароходе «Деловой», в ходе которой он и сопровождавшие его 25 человек (по сведениям сотрудников секретно-оперативный отдела губЧК) «никаких обследований по сплаву леса не делали», а занимались пьянством и картежными играми, израсходовав при этом значительное количество дефицитного продовольствия и товаров ширпотреба. Партийная следственная комиссия при гомельском губкоме РКП(б) признала М.И. Кундо и четырех ответственных работников «виновными в подрыве и дискредитации авторитета Коммунистической партии и Советской власти...» и «в преступлении по должности, выразившемся в допущении организации и совершении фиктивной командировки с целью пьянства и разгула наиболее ответственных руководителей губтопа, губвоенкома, укрепрайона...». Однако дальше это дело развития не получило: на заседании губкома РКП(б) 26 мая 1920 г. ограничились переводом М.И. Кундо в кандидаты в члены РКП(б) (к этому времени М.И. Кундо приказом смоленского окружного военкома был уже снят с должности губернского военкома) [6, л. 129–131об.].

Эти дела остроту проблемы пьянства ответственных работников в губернии не снизили. В январе 1922 г. бюро гомельского губкома РКПБ вынуждено было констатировать целую «эпидемию пирушек и вечеринок, устраиваемых в последнее время работниками хозяйственных и кооперативных органов» [7, л. 181]. Партийные руководители в свою очередь камуфлировали пьянки под видом «банкетов и празднеств, устраиваемых по поводу всякого рода юбилеев партячеек, воинских частей...» [8, л. 287].

Для борьбы с разного рода хозяйственными преступлениями (в том числе и преступлениями по должности) в январе 1921 г. было создано Экономическое управление при Президиуме ВЧК. В свою очередь при губернских ЧК создавались экономические отделения (ЭКО). По сведениям гомельской губЧК с мая по ноябрь 1921 г. из 815 вновь открытых дел 131 дело пришлось на «преступления по должности»: 34 человека переданы суду губревтрибунала, народным судам – 15, освобождены – 37. ЭКО гомельского губЧК был раскрыт ряд крупных преступлений, связанных с хищениями и взяточничеством в продовольственных, лесозаготовительных, кооперативных органах губернии, на Добрушской бумажной фабрике [9, л. 196–198].

Самым крупным стало «дело сенного отдела», по которому проходили сотрудники сенозаготовительных органов губернии. Заготовка сена (прежде всего для нужд армии) имела стратегическое значение, а структуры, занимавшиеся заготовкой сена, находились на военном положении. В начале 1921 г. состоянием сенозаготовок в Гомельской губернии занялась Полевая РКИ Западного фронта, к ревизии подключилась и гомельская губЧК. Предварительное расследование губЧК завершила в декабре 1921 г. По его итогам было решено привлечь к судебной ответственности и передать в губернский Революционный трибунал дела на 32 человека. Среди них – чрезвычайный уполномоченный Опродкомзапфронта М.В. Боришанский, его заместитель К.Г. Кудряшов, заведующий сенным отделом губпродкома В.Н. Максимов, его заместитель И.М. Гейман, заведующие сенными районами и сен-

ными участками, работники местных отделений РКИ, луговые сторожа. Руководящие работники сенозаготовок обвинялись в сокрытии большого количества лугов госфонда, массовом взяточничестве при раздаче лугов местному населению, систематическом сокрытии заготовленного сена от учета, продаже его частным лицам, укрывательстве от воинской повинности дезертиров, присвоении причитавшихся работникам пайков, жалованья, в бесхозяйственности, умышленном неправильном ведении отчетности, пьянстве. Руководители сенозаготовительных органов разного уровня вымогали взятки (деньгами или продуктами) у своих подчиненных под угрозой снятия последних с работы. В ходе дальнейших разбирательств до губревтрибунала дошло 23 человека (несколько человек скрылись, дела других, в том числе В.Н. Максимова, были прекращены «за недоказанностью их виновности»).

Приговором гомельского Губревтрибунала в мае 1922 г. по «сенному делу» четыре человека были приговорены к расстрелу (двум из них по амнистии расстрел был заменен лишением свободы на 5 лет). Остальные получили различные сроки тюремного заключения (от 1 до 5 лет) с возможностью применения амнистии в связи с четвертой годовщиной Октябрьской революции [10, л. 93–115об., 374].

С переходом к новой экономической политике, реанимацией товарно-денежных отношений, рыночных механизмов и финансовой системы в качестве главной опасности среди должностных преступлений партийно-советское руководство РСФСР выделило взяточничество: «враг коварный, нападающий из-за угла, почти неуловимый...охватило, как будто тисками, все наши хозяйственные учреждения». Для усиления борьбы с этим явлением по инициативе Ф.Э. Держинского решением СТО РСФСР 1 сентября 1922 г. была создана Комиссия СТО по борьбе с взяточничеством во главе с Ф.Э. Держинским [11].

На местах для координации деятельности по борьбе с взяточничеством создавались комиссии при губЭКОСО (губернском экономическом совещании) из представителей ГПУ, губюста, губсовнархоза, которые подчинялись непосредственно Комиссии СТО. Такие комиссии своих специальных аппаратов не создавали, а могли лишь пользоваться уже существовавшими ведомственными структурами. Одновременно создавались специальные местные ведомственные комиссии из трех человек: председатель (он же зав. соответствующим губотделом) и два члена «с безукоризненным прошлым и настоящим».

Задачами губкомиссий определялись проведение широкой кампании по борьбе со взяточничеством, согласование работы губотдела юстиции, губернских РКИ и ГПУ, руководство деятельностью местных ведомственных комиссий и т. п. [12]. В свою очередь местные ведомственные комиссии должны были отвечать за организацию и проведение мероприятий с целью как непосредственной борьбы с взяточничеством, так и искоренения условий, способствовавших и создававших благоприятную почву для взяточничества [13].

В Гомельской губернии комиссия по борьбе с взяточничеством при губЭКОСО была создана лишь 12 ноября 1922 г. Ее возглавил А.В. Дубина (зам. председателя губисполкома) [14, л. 48]. Сама эта кампания оказалась для гомельских органов власти неожиданной – ранее по данному вопросу местная власть специального внимания не уделяла, опыта систематической работы в этом направлении не было, а борьба с взяткой рассматривалась лишь как один из элементов (при этом далеко не самый важный) борьбы с должностными преступлениями, наиболее опасными из которых в то время считались присвоение государственных средств и имущества («казнокрадство») и широко распространенное «посредничество», а также неэффективное использование государственных средств работниками органов управления. В первый месяц своего существования были созданы пять ведомственных комиссий во главе с руководителями этих органов: при губсовнархозе (Шпигель), губисполкоме (И.И. Нейбах), губернском земельном управлении (Ф.К. Михаленок), губотделе управления (И.Ф. Федяев) и губпрофсоюзе (М.И. Залипский). В тех губернских органах и организациях, где ведомственные комиссии не были созданы, ответственность за борьбу с взяточничеством возлагалась на их руководителей. В уездах формировались свои «антивзяточные» уездные комиссии в составе председателя уездного исполкома, прокурора (или его помощника) и секретаря профбюро. В Гомеле заявления о взятках поступали на имя губернского прокурора, который передавал их соответствующим органам для ведения дела. В уездах заявления передавались уполномоченным ГПУ, более крупные – губпрокурору. Для разбора наиболее значимых дел на местах должны были проходить выездные сессии губревтрибунала [15, л. 115].

План работы губкомиссии включал и проведение широкой кампании в прессе, проведение собраний рабочих на предприятиях, крестьянских сходов и волостных конференций по вопросам борьбы с взяточничеством [14, л. 49 об.].

В компетенцию ведомственных комиссий входила проверка личного состава организаций и учреждений «с точки зрения благонадежности ... в отношении взяточничества, хищничества и бесхозяйственности». Проверке подлежали все сотрудники учреждений. В первую очередь из учреждений предлагалось «удалить» тех работников, которые уже ранее по суду привлекались по должностным преступлениям, а также «неблагонадежных» [14, л. 50].

К концу ноября 1922 г. было заслушано до 70 дел о взяточничестве, однако эти дела велись не по инициативе губкомиссии, а самостоятельно прокуратурой, РКИ и ГПУ. Губкомиссии лишь удалось «сдвинуть с места» рассмотрение дел о взяточничестве – к началу ноября в судебных органах был «залеж дел» по взяткам, из которых за ноябрь 1922 – январь 1923 г. удалось 148 дел «разобрать». Но каких-либо крупных дел по взяточничеству, на что нацеливали Комиссия при СТО РСФСР и губком РКП(б), так и не было выявлено. Работа главным образом свелась к проверкам состояния в целом работы органов государственной власти и хозяйственного управления, «чистки» их аппарата (прежде всего увольнением «социально неблагонадежных») для предупреждения случаев взяточничества и должностных преступлений. В январе – начале февраля 1923 г. комиссия обследовала работу губернских СНХ, финансового и коммунального отделов, выявив ряд мелких недостатков: перерасход средств на оплату сотрудников, на оказание шефской помощи, наличие «подозрительных элементов», большие расходы на содержание аппарата и т. п. По итогам проверок комиссия вносила предложения о сокращении штатов и увольнении работников (к февралю 1923 г. по таким рекомендациям было уволено около 200 сотрудников советских органов) [16, л. 224–225].

Фактически вся эта работа была лишь дополнением начавшейся еще в 1921 г. кампании по сокращению численности управленческого аппарата. Представляется, что новую кампанию местное партийное руководство решило использовать для усиления партийного контроля за работой карательных органов губернии. Руководство гомельского губкома РКП(б) подозрительно относилось к тому, что делами по должностным преступлениям в большинстве своем занимались беспартийные сотрудники РКИ и ГПУ, которыми (по мнению губкома) «зачастую проводится линия подкапывания и подбора недобросовестных материалов против ответственных работников коммунистов». Губкомиссия должна была, по сути, стать органом, проводящим «партийную линию» в делах о коррупции относительно руководящих работников-коммунистов, то есть руководствоваться решениями губкома РКПб, определявшими степень достоверности собранных контрольными и карательными органами доказательств вины этой категории работников, а также целесообразность придания тем или иным делам публичной огласки. Губпрокурор А.М. Берзин на заседании гомельского губкома РКП(б) 5 февраля 1923 г. прямо говорил, что по делам губкоммунхоза, гомпромторга и кожтреста, по которым привлекались ответственные работники губернского масштаба, губкому необходимо «дать директиву, ибо мы иначе слушать дела не можем» [16, л. 225–226].

Губкомиссии так и не удалось стать координирующим органом по борьбе с взяточничеством, которая, как и прежде, велась следственными и судебными органами. Несмотря на громкие заявления о необходимости «беспощадной борьбы с взяткой», эта работа рассматривалась местными органами всего лишь как очередная кампания идеологически-пропагандистского характера. Она должна была показать населению, что советская власть борется с этим явлением серьезно.

Надежды на привлечение к борьбе с взяточничеством широких слоев населения не оправдалась. К февралю 1923 г. поступило лишь около 60 заявлений от населения о случаях взяточничества [16, л. 225]. Такая ситуация была характерна и для других регионов России. В декабре 1922 г. председатель Центральной комиссии по борьбе с взяточничеством Наркомата юстиции РСФСР Зенькович в циркуляре губернским и областным прокурорам отмечал, что «разочаровавшись в обращениях ко «всему населению» ряд комиссий... идет с повторными обращениями к... профессиональным союзам и массам рабочих и служащих...» [17, л. 6]. Население относилось к взяточничеству не как к рудименту прошлого, несовместимому но-

вому строю, а как к явлению, присущему любому государственному аппарату и позволявшему быстро и ставшим уже для многих привычным способом преодолевать существовавшие административно-бюрократические препятствия в решении различных вопросов.

Губкомиссия была ликвидирована решением президиума гомельского губисполкома от 12 июня 1923 г. С этого времени вопросы борьбы с взяточничеством вновь стали делом обычных гражданских судебных органов и органов государственного контроля.

Проведенная «антивзяточная» кампания к сколько-нибудь значительному перелому в борьбе с должностными преступлениями так и не привела. В июле 1924 г. в производстве следственного аппарата губернии находилось 200 дел о должностных преступлениях. В основном это были дела о хищениях, посредничестве при торговых сделках, взяточничестве при выдаче разрешений на вырубку леса, проведении муниципализации домов и землеустройства, распределении жилплощади, начислении налогов и т. п. По этим делам проходили главным образом исполнители низового уровня (лесничие, землестроители, налоговые инспектора, зав. складами и т. д.). Из сотрудников губернского уровня под следствием в 1924 г. оказался лишь бывший губпродкомиссар, уполномоченный акционерного общества «Хлебопродукт» по Гомельской губернии, член президиума гомельского губисполкома А.А. Моркина. Несмотря на доказанность следствием его участия в преступлениях по должности (нанесение ущерба государству в результате сокрытия преступлений подчиненных ему лиц), дело было прекращено в связи с отсутствием в действиях А.А. Моркина «корыстной цели» и по ходатайствам замнаркома юстиции РСФСР и помощника Прокурора Республики [6, л. 316–316 об.].

В январе 1925 г. на губернском совещании по советскому строительству констатировались «систематические хищения и растраты секретарями и другими работниками волисполкомов сумм из кассы волисполкомов в течение продолжительного времени», «частичное заключение невыгодных договоров, зачастую юридически совершенно не оформленных и хозяйственно нецелесообразных», «продажа имущества без торгов и всякого соблюдения законодательства по этому поводу» [18, л. 38–39].

Заключение. Борьба с должностными преступлениями в первое десятилетие советской власти носило типично «кампанейский» характер. Местные органы власти и управления Гомельской губернии во исполнение решений центра принимали соответствующие постановления, разрабатывали меры по их осуществлению, на время активизировали свою деятельность по минимизации масштабов преступлений по должности. Через некоторое время на первое место выдвигались иные экономические и политические задачи, на которые и переключалось их основное внимание.

Противодействие распространению должностных преступлений носило классовый характер: принадлежность к «бывшим» (дворянам, царским чиновникам, служащим полиции) усугубляло вину и приводило к более суровым наказаниям и, наоборот, рабоче-крестьянское происхождение было основанием для снижения меры наказания. Всегда особняком стояли дела о должностных преступлениях руководителей-коммунистов: здесь фактически степень виновности и меру наказания определял губком партии, а не судебные органы. Еще в июле 1921 г. гомельский губком РКП(б) дал недвусмысленное указание губревтрибуналу: «О делах коммунистов и бывших членов РКП входить в бюро губкома с докладом для получения директив о характере, который должен быть придан делу, и определения приговора» [19, л. 40]. Чаще всего коммунисты-руководители губернского уровня даже при наличии доказанных фактов их преступной деятельности как «особо ценные политические кадры» либо от ответственности освобождались, либо переводились на иные должности, либо несли наказание только по партийной линии без передачи дел в следственные и судебные органы.

Партийно-советское руководство на разных уровнях рассматривало должностные преступления не как явление системное, присущее любому государству, а как временное, связанное с начальным этапом строительства нового общества. Основные причины распространения такого рода преступлений им виделись, во-первых, в низком уровне оплаты труда советских служащих («необеспеченность, ничтожность жалованья, пайка»), во-вторых, в факторе психологическом – неприятии многими советскими служащими (в том числе и из «пролетарских слоев населения») новой коммунистической идеологии, традиционном, еще дореволюционном, восприятии государственной должности как средства решения своих личных

проблем, стремлении «построить свое благополучие за счет ресурсов государства». Представлялось, что с повышением жизненного уровня, чисткой рядов служащих от «бывших элементов старого режима» и ростом коммунистической сознательности всех слоев населения эта проблема в недалеком будущем будет решена сама собой. Как показывает дальнейшая история, этот оптимизм не оправдался. Проблемы коррупции как системного явления, несмотря на официальное его отрицание, в советское время в дальнейшем только обострились.

Литература

1. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1918. – № 35. – Ст. 467; СУ РСФСР. 1919. – № 13. – Ст. 132.; СУ РСФСР. 1921. – № 60. – Ст. 421.
2. СУ РСФСР. 1922. – № 15. – Ст. 153.
3. Мозохин, О.Б. ВЧК – ОГПУ – НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы /О.Б. Мозохин. – Москва : Алгоритм, 2016. – 272 с.
4. Государственный архив общественных объединений гомельской области (ГАООГО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 11. Протоколы пленумов, заседаний президиума и отчеты губисполкома, губернского и уездного военревкома. 1919–1920 гг.
5. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 62. – Оп. 1. – Д. 48. Постановления губпрокурора и заключения следователей по обвинению в контрреволюционных и должностных преступлениях. 1923–1924 гг.
6. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 211. Протоколы заседаний губкома № 1–54. 1920 г.
7. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 746. Протоколы заседаний губкома № 1–81. 1921–1922 гг.
8. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1240. Протоколы заседаний бюро губкома № 1–55. 1922 г.
9. ГАГО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 15. Отчеты о деятельности отделов губисполкома и губернских учреждений к V губернскому съезду Советов. 1921 г.
10. ГАГО. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 21. Приговоры и протоколы допросов лиц, обвиняемых в должностных преступлениях. 1921–1923 гг.
11. Об образовании Комиссии СТО по борьбе со взяточничеством [Электронный ресурс] : приказ ГПУ № 218 от 16.09.1922 г. – Режим доступа : <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1019518>. – Дата доступа : 15.01.2017.
12. Об организации и деятельности комиссий при обэкоосо и губэкоосо по борьбе с взяточничеством [Электронный ресурс]: положение от 5 октября 1922 г. – Режим доступа : <http://scicenter.online/kniga-istoriya-rossii/polojenie-vedomstvennyih-komissiyah-borbe-79245.html>. – Дата доступа : 14.12.2016.
13. О ведомственных Комиссиях по борьбе со взяточничеством : положение от 13 сентября 1922 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ereading.club/chapter.php/1003119/88/Mozohin_-_VChK_OGPU_v_borbe_s_korruptsiei.html. – Дата доступа : 11.01.2017.
14. ГАГО. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 245. Документы о работе губкома и губисполкома. 1922 г.
15. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1244. Протоколы заседаний бюро губкома РКПб № 1–23. 1922 г.
16. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1858. Протоколы заседаний бюро губкома РКПб № 24–25 и документы к ним. 1923 г.
17. ГАГО. – Ф. 158. – Оп. 1. – Д. 97. Дело комиссии по борьбе с взяточничеством. 1922 г.
18. ГАГО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 477. Резолюции губернского совещания по советскому строительству 6–10 мая 1925 г.
19. ГАГО. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 51. Декреты, положения, приказы, циркуляры и инструкции ВЦИК, НКЮ РСФСР, Верховного Трибунала при ВЦИК и губревтрибунала. 1920–1922 гг.